

Заключение

Последнее десятилетие в России характеризуется проведением активной государственной социально-демографической, семейной и миграционной политики в соответствии с Концепцией демографической политики (2006), Концепцией семейной политики (2014), Концепцией миграционной политики (2012, 2018), а также соответствующих указов Президента РФ и решений высших органов законодательной и исполнительной власти страны, направленных на практическое выполнение задач, поставленных в вышеуказанных основополагающих документах. Строгий научный анализ результатов проводимой политики с точки зрения складывающейся демографической, миграционной ситуации и перспективных изменений тенденций процессов, формирующих население России, — абсолютно необходимая и едва ли не наиболее важная составляющая фундаментальных исследований, имеющих непосредственное практическое значение для совершенствования проводимой государством политики.

Оценка результатов демографической политики России, естественно, вызывает широкий интерес как у политиков, представляющих все ветви власти в стране, так и в широких экспертных кругах и, конечно, в средствах массовой информации. В какой мере можно утверждать, что в России наблюдается повышение показателей рождаемости, снижение смертности и повышение продолжительности жизни, какова роль в этих изменениях собственно усилий государства по повышению материально-финансовых затрат и совершенствованию мер политики, какие в результате следует ожидать перспективы для демографического роста? В какой мере российская миграционная политика в последние годы меняется в направлении, сближающем ее подходы с принятыми в развитых странах, или, напротив, усиливаются ее национальные, специфические черты, и как это сказывается на иммиграционной привлекательности страны, а также на качестве миграционного учета? Каковы перспективы изменения половозрастной структуры населения и какие вызовы для экономики и политики ставит долговременное старение российского населения?

Дальнейшее совершенствование социально-демографической, семейной и миграционной политики, методологии демографического прогнозирования требует непрерывного развития и обновления фундаментальных знаний, систематизирующих фактический информационный материал и теоретические представления о демографической динамике, а также развитие методических подходов и инструментов анализа демографических и социальных результатов государственной политики. Все главные демографические процессы: воспроизводство численности и структуры населения, создание и прекращение супружеских союзов, рождаемость и репродуктивное здоровье, смертность и продолжительность общей и здоровой жизни, внутренние и внешние миграции — должны рассматриваться в широком историческом и международном контексте, а также анализироваться с привлечением широкого спектра регулярно разрабатываемых статистических данных и результатов официальных переписей и микропереписей населения, а также репрезентативных выборочных социально-демографических исследований.

Огромное значение как для сравнительной оценки российских демографических и миграционных тенденций, так и для количественно-качественной экспертизы эффективности политики государства, проводимой в этой области, играет широкое использование международных баз данных, содержащих информацию о демографических, миграционных процессах и предоставляющих сведения о многообразном опыте разных стран в сфере социально-демографической, семейной, здравоохранительной и миграционной политики. В то же время есть все основания полагать, что российское экспертное сообщество и лица, принимающие решения в области социально-демографической политики, не достаточно осведомлены об общих и специфических чертах демографических тенденций в мире и России, о разнообразном опыте политики в области населения, проводимой развитыми странами, в первую очередь в Евросоюзе, а также о методах и результатах анализа ее эффективности с точки зрения оценки кратко- и долгосрочных эффектов.

Представленный научный доклад имел целью, с одной стороны, расширить информационное пространство принятия решений в области социально-демографической и миграционной политики, а с другой — опираясь на отечественный и зарубежный

опыт изучения долго- и краткосрочных демографических и миграционных тенденций, в том числе под влиянием государственной политики, обеспечить адекватными инструментами анализ демографических результатов решений, принимаемых российским государством в последние полтора десятилетия.

В *первой главе* прослежена эволюция официальных точек зрения государств мира на рост населения и его территориальное размещение внутри страны. Для этого проанализированы соответствующие «переменные политики» за период 1976–2015 гг., которые содержатся во Всемирной базе данных о политике в области населения, созданной и поддерживаемой Отделом населения ООН (World Population Policies Database). Рассмотрены основные подходы к получению информации и формированию этой базы данных, ее основные характеристики.

Эволюция правительственных оценок сложившегося роста населения прослеживается совместно с изменением официальной точки зрения на тенденции рождаемости, смертности и международной миграции по переменным политики общего характера.

Обзор официальных точек зрения на рост населения и его компоненты показал, что в современном мире существуют три группы стран. Одна из них, до недавних пор самая многочисленная, представлена государствами, которые вполне удовлетворены сложившимися в их странах темпами роста населения, стремятся поддерживать их на этом же уровне или не вмешиваются в процесс изменения численности населения. В последние годы доля таких стран заметно сократилась за счет увеличения числа стран, стремящихся снизить высокий с официальной точки зрения рост населения. Снижение роста населения ассоциируется в первую очередь со снижением рождаемости, в меньшей мере — с увеличением эмиграции за пределы страны и снижением иммиграции в страну. При этом большинство стран этой группы считает сложившийся уровень смертности неприемлемым и предпринимает определенные меры, направленные на повышение ожидаемой продолжительности жизни.

Наряду с этим увеличилась и доля стран, стремящихся повысить низкий с правительственной точки зрения рост населения. Его повышение также связывают в первую очередь с изменением рождаемости — ее ростом. Вместе с тем в последние годы росло

число стран, связывающих повышение роста населения с увеличением иммиграции в страну.

Более детально, с привлечением данных об изменении численности населения и его компонентов рассмотрена эволюция официальной точки зрения на рост населения в России. Особого внимания заслуживает неустойчивость правительственной оценки иммиграции в страну, что свидетельствует о недостаточно продуманной и аргументированной официальной позиции по отношению к международной миграции, хотя она, по сути, является единственным фактором роста населения России в ближайшей перспективе. С другой стороны, новейший документ — обновленная Концепция миграционной политики, утвержденная Президентом РФ в октябре 2018 г., — может рассматриваться и как свидетельство, подтверждающее наши выводы, сделанные до появления этого документа, и как необходимая реакция в связи с признанием неудовлетворительного состояния дел.

Обзор официальных точек зрения на территориальное размещение населения показал, что большинство стран хотели бы изменить его и их доля возрастает. Возможность таких изменений связана прежде всего с внутренней миграционной политикой и особыми приоритетами экономического развития отдельных территорий.

Во *второй главе* обсуждаются особенности изменения возрастного состава населения России в глобальном контексте старения мирового населения, а также реакции национальных правительств, включая российское, на вызовы, которые связываются с абсолютным и относительным ростом численности пожилого и старого населения. Имеющиеся базы данных опросов национальных правительств, регулярно проводимых ООН, позволяют проследить изменения официальных взглядов руководства стран на проблемы, связанные со старением населения, и получить наиболее общие представления о проводимой политике в этой сфере. Во всех раундах опросов ООН правительство России проявляло максимальную озабоченность по вопросам, касающимся изменений в возрастной структуре. Даже в первом пятилетии 2000-х годов, когда численность и доля населения рабочего возраста в России стремились к своим историческим максимумам, Россия (как и ее соседка Белоруссия) была среди мировых лидеров — стран, выра-

жающих беспокоенность этой стороной демографической ситуации.

В ответ на старение населения правительства подавляющего числа стран мира реагируют прежде всего реформами пенсионных систем, повышают пенсионный возраст и т.п. Россия в данном случае идет в общем фарватере. В то же время не менее важная сторона адаптации обществ к старению населения — усиление институциональных условий обеспечения ухода за пожилыми людьми и улучшения качества их жизни — зачастую отходит на второй план. Похоже, что и в России пока больше декларируются намерения, чем выполняются реальные программы развития социальной инфраструктуры в соответствующем направлении, которые по определению дорогостоящие и требуют больших совместных усилий со стороны всех эшелонов власти, социальных и экономических государственных и негосударственных институтов.

В этой же главе дискутируются вопросы развития информационных систем мониторинга ситуации и принятия политических решений, демонстрируются возможности использования баз данных ООН как для сравнительного изучения процесса эволюции возрастной структуры населения в России на мировом фоне, так и для углубления представлений о структурных компонентах перспективных изменений численности российского населения на отдаленную перспективу.

Авторы уделяют особое внимание необходимости развития административных регистров как источника данных для изучения социального положения пожилых и инвалидов. В России крайне ограничены информационные возможности этого источника данных при сравнении, в частности, с США, где имеются как богатейшие базы данных с открытым публичным доступом о социально-экономических и демографических характеристиках работающих, пенсионеров, пожилых, инвалидов, так и детальные сведения о финансовой и институциональной стороне проводимой политики на различных уровнях.

Эволюционно возрастная структура населения России вступила уже в третью фазу старения, когда устойчивый рост численности и доли населения продолжается только в старших возрастах. По крайней мере в обозримом будущем эта тенденция необратима, но с институциональной точки зрения демографическое бремя для

экономики и межпоколенных взаимодействий можно облегчить с помощью повышения пенсионного возраста. В этом отношении объявленное правительством в 2018 г. увеличение на пять лет пенсионного возраста, причем в очень сжатые сроки (2019–2028 гг.), существенно развернет ситуацию.

Фактически повышение пенсионного возраста в 2019–2028 гг. «реанимирует» новый период демографического бонуса. Общая демографическая нагрузка опустится к значениям, близким к историческому минимуму начала 2009 г., но в отличие от 1994–2008 гг. произойдет это в основном за счет снижения нагрузки «пенсионерами» (а не детьми). После перехода к новым пенсионным границам в 2036 г. демографическая нагрузка трудоспособного населения вернется к значениям 2012–2015 гг.

Таким образом, если ориентироваться на законодательно установленные границы пенсионного возраста, то в ближайшей перспективе Россию ждет новый период демографического дивиденда, по длительности и общему эффекту сопоставимый с предыдущим. Качественное отличие, однако, в том, что на этот раз ряды «работников» будут пополняться преимущественно «сверху» — за счет старших возрастов. Между 2019 и 2036 гг. население от 20 до 50 лет сократится на 6,5 млн за счет возрастной группы 30–39 лет (–8,9 млн). Убыль с лихвой компенсирует старший сегмент рабочего возраста: в нем прирост составит 12,2 млн, из них 9,5 млн — в возрастах после 55 лет. Резкое постарение населения рабочего возраста потребует адаптации многих социальных институтов, в первую очередь системы здравоохранения, образования и рынка труда.

Третья глава имеет четко выраженную направленность на выбор наиболее корректного инструментария для анализа тенденций рождаемости и сдвигов в сфере планирования семьи, в том числе с учетом возможного влияния на эти процессы целенаправленных мер государственной политики. Авторы глубоко убеждены, что только на основе применения наиболее совершенного метода изучения рождаемости — специальных вероятностных таблиц рождаемости с учетом очередности рождения у матери совместно для условных и реальных поколений — можно ставить вопрос о выявлении и оценке значимости действительных сдвигов в уровне и структуре рождаемости. Информацию для наиболее корректного

анализа российских тенденций в сравнении с другими странами предоставляют рассмотренные в докладе международные базы данных (в первую очередь HFD), за методологическую корректность и сравнительные возможности которых отвечают лучшие специалисты в мире.

Ниже следуют главные выводы, которые можно сделать по результатам анализа специальных таблиц рождаемости для условных поколений (для календарных лет):

- в течение последних двух с половиной десятилетий в России наблюдалось повышение уровня рождаемости в результате частичного восстановления соотношения вероятностей увеличения семьи и структуры женщин по числу когда-либо рожденных детей после возмущений, вызванных семейной политикой 1980-х годов и социально-экономическими и политическими трудностями 1990-х;

- произошедшее восстановление оказалось далеко не полным: вероятность первых рождений остается на рекордно низких для России уровнях, вероятность появления на свет вторых, третьих и четвертых детей хотя и достигла уровня, устойчиво поддерживавшегося в конце 1970-х — начале 1980-х годов, но не очевидно, что сможет на нем удержаться (данные за 2017 и 2018 гг. усиливают наш пессимизм);

- восстановительный тренд начался задолго до активизации демографической политики, но был поддержан и усилен активными мерами пронаталистской политики государства, начавшими действовать с 2007 г. с дальнейшим развитием;

- трансформация российской модели рождаемости в сторону более позднего материнства сыграла важнейшую роль в снижении итоговых показателей рождаемости для условных поколений в 1990-е годы, но в последние 10 лет постарение возрастного профиля рождаемости затормозилось и сохраняется только для первородящих женщин;

- вполне вероятно, что стимулирующие меры семейной политики ускорили появление вторых и последующих детей, в том числе в молодом возрасте, о чем свидетельствуют не только характер изменений средних возрастов матери при рождении очередного ребенка, но и снижение разницы в средних возрастах рождения первого и второго ребенка, достигших исторически рекордно низких значений.

Результаты, полученные в отношении итогового (к возрасту 50 лет) распределения женщин по числу рожденных детей на основе специальных таблиц рождаемости с учетом очередности рождения для реальных поколений, подтверждают и уточняют выводы, сделанные на основе таблиц для условных поколений.

Во-первых, вызывает беспокойство продолжающийся рост доли окончательно бездетных женщин. При сохранении имеющихся тенденций уже поколения, родившиеся в конце 1980-х годов, могут приблизиться к 20%-й отметке.

Во-вторых, доля женщин, ограничившихся одним ребенком, достигла исторического максимума — 40% — в поколениях женщин второй половины 1960-х — первой половины 1970-х годов рождения, чей активный период деторождения пришелся на тяжелое время активных политических, социальных и экономических перемен конца 1980-х и 1990-х. Для поколений женщин 1980-х годов рождения можно с уверенностью ожидать более низкий процент итоговой однодетности, на уровне поколений, рожденных в начале 1960-х (около 30%).

В-третьих, доля женщин с двумя рождениями к концу репродуктивного периода в поколениях 1970-х годов рождения стала ниже, чем в поколениях 1950-х — начала 1960-х, примерно на 10 п.п. и остается практически неизменной на уровне 30% для более молодых поколений. Если и имеется влияние политики по стимулированию вторых рождений, то выражено оно очень слабо. Наиболее надежные оценки, основанные на специальных таблицах рождаемости для реальных поколений, свидетельствуют именно об этом.

В-четвертых, наиболее интригующей выглядит тенденция для матерей, родивших трех детей и более (как было показано, главным образом именно троих детей). Для поколений женщин, родившихся во второй половине 1980-х годов, ожидаемая доля с тремя детьми и более превысила показатели, наблюдавшиеся у их матерей — женщин, родившихся в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Этот феномен, подтвержденный данными и для условных, и для реальных поколений, требует дополнительного изучения. В то же время было бы опрометчиво тенденцию роста вероятности рождения третьего ребенка приписывать исключительно результатам пронаталистской политики, стартовавшей по-

сле 2006 г. Хотя, скорее всего, политика здесь играет некоторую роль. Требуется дальнейшее статистическое и социологическое наблюдение в разрезе социоэкономических, этнотерриториальных групп населения, чтобы понять, в какой мере рост числа многодетных в России имеет дальнейшую перспективу.

Подводя итоги результатов оценивания перспективного изменения итоговой рождаемости реальных поколений, можно высказать предположение, что Россия, видимо, прошла точку исторического минимума уровня рождаемости — менее 1,6 рождения в расчете на одну женщину, достигнутого когортами первой половины 1970-х годов рождения. С учетом уровня и структуры рождаемости по очередности рождения, наблюдаемых в самые последние годы, итоговая рождаемость поколений, рожденных в конце 1970-х, будет ненамного, но выше, чем у их непосредственных предшественников. Вероятнее всего, медленный рост будет продолжен в поколениях 1980-х годов рождения с тенденцией к стабилизации на уровне 1,7 рождения на одну женщину.

Отмеченные положительные моменты в тенденциях российской рождаемости вселяют определенный оптимизм, но не стоит обольщаться относительными успехами, достигнутыми за два десятилетия, в особенности за последние 10 лет действия мер по стимулированию рождаемости. Во-первых, они совсем не велики, если не сказать, едва заметны. Во-вторых, как подсказывает отечественный и зарубежный исторический опыт, спад интенсивности деторождения, зафиксированный в 2016–2018 гг., может быть более значительным, чем видится из сегодняшнего дня. В этом случае достаточно консервативные оценки перспективного изменения рождаемости, основанные на знаниях текущей ситуации и ожидаемого изменения возрастного профиля рождаемости, могут показаться слишком оптимистичными.

В этой же главе по итогам проведенного исследования формулируются важные выводы, касающиеся российских тенденций в области внутрисемейного контроля рождаемости. Так, вопреки распространенной среди неспециалистов точке зрения, российскую государственную статистику прерванных беременностей, публикуемую Росстатом, можно считать достоверной и заслуживающей доверия (аргументы в пользу данного утверждения сотрудницы ИДЕМ НИУ ВШЭ и солидаризирующиеся с ними специа-

листы неоднократно приводили в специальной научной литературе и в СМИ).

Отрадно фиксировать, что с конца 1980-х годов число прерванных беременностей в России неуклонно снижается, с 1988 по 2015 г. оно упало в 5,5 раза — с 4,6 млн до 0,8 млн, а коэффициент абортов на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет — в 5,3 раза (со 127 до 24). В 2007 г. впервые с 1959 г. годовое число рождений в России превысило годовое число прерванных беременностей. В 1967 г. на 100 живорождений приходилось 293 аборта (максимум), в 1990 г. — 206, в 2007 г. — 92, а в 2015 г. — 44 аборта. Если в конце 1980-х абортами заканчивалось $\frac{2}{3}$ беременностей, то сейчас — менее $\frac{1}{3}$.

К сожалению, в самые последние годы мониторинг сдвигов в сфере внутрисемейного контроля рождаемости и планирования семьи на основе официальных статистических данных вновь, как это уже случалось ранее в отечественной истории, сильно затруднился.

Начиная с 2016 г. в России изменилось содержание статистической формы для регистрации прерванных беременностей в сторону расширения списка наименований «беременностей с абортивным исходом» согласно МКБ-10. И если для абортов, выполненных в учреждениях Минздрава России, осталась возможность выделить некоторые сопоставимые с прежней учетной формой категории, то для абортов, учтенных Росстатом в медицинских учреждениях вне Минздрава, этого сделать невозможно. Мы не знаем, какую долю среди приведенного Росстатом в 2016–2017 гг. числа абортов составляют искусственные аборты, а какую — выкидыши или внематочная беременность, и эта статистика не сопоставима с показателями предыдущих лет. Таким образом, при анализе самой последней динамики прерванных беременностей приходится ограничиваться либо данными Минздрава (которые охватывают большинство, но не все прерванные беременности в стране), либо периодом до 2016 г.

Изучая зарубежный опыт, можно обнаружить, что вопреки широко известной точке зрения законодательство об аборте слабо влияет на его распространенность — аборты одинаково часто происходят в странах с самым жестким и с самым либеральным законодательством. Так, в странах, где аборт либо запрещен совсем,

либо допускается с целью спасения жизни женщины, коэффициент абортотности оценивается в 37 на 1000 женщин репродуктивного возраста, тогда как в странах с либеральным законодательством — 34 на 1000. Легальный статус абортов влияет не на их число, а на условия их проведения. В странах с наиболее ограничительным законодательством лишь один из четырех абортов является безопасным для здоровья, в то время как в странах, где аборт легален и доступен, 9 из 10 абортов безопасны. Чем более строгим является законодательство, тем больше процент небезопасных процедур.

Распространенность контрацепции в России среди женщин, имеющих партнеров и супругов, согласно последним выборочным обследованиям, составляет 72–74%. С такими показателями Россия уже мало отличается от многих других стран с постпереходным типом рождаемости. Очень близкие к российскому показателю распространенности контрацепции характерны для таких стран, как Австралия, Бельгия, Германия, Австрия, Испания, Румыния и др. В то же время в России высокий уровень использования контрацепции и низкая неудовлетворенная потребность в планировании семьи сочетаются с относительно высоким уровнем абортов. Это говорит о том, что проблема россиян заключается не в отказе от контрацепции и не в выборе аборта как метода регулирования рождаемости, а в адекватности применения любого метода контрацепции. Структура применяемых методов контрацепции в России такова, что при их использовании у российских пар часто происходят сбой или «контрацептивные неудачи». В России намного меньше распространены три вида самой эффективной контрацепции — гормональная, внутриматочная и стерилизация, чем в странах, прошедших через «контрацептивную революцию», и, наоборот, в нашей стране очень велика доля относительно ненадежных методов, что сопряжено с риском нежелательного зачатия.

Задача повышения сексуальной и контрацептивной культуры по-прежнему очень актуальна в России. Необходимо проводить широкие образовательные программы, развивать сеть услуг по планированию семьи. Наоборот, центры планирования семьи у нас закрываются либо перепрофилируются, образовательные программы для молодежи и семейных пар практически отсутствуют, видимо, под влиянием глубоко ошибочной, не имеющей научного обоснования идеологической концепции, что эффективное пла-

нирование семьи противоречит задаче повышения рождаемости в стране. Именно путем повышения контрацептивной грамотности можно было бы ускорить снижение уровня аборт в России, а не ограничением доступности прерывания беременности, как это происходит в последние годы. Но самое главное — только дальнейшее развитие эффективного планирования семьи как массовой практики гарантирует, что больше беременностей будет наступать в желательные сроки и, соответственно, больше детей в стране будут появляться на свет желанными.

Четвертая глава посвящена сравнительному анализу преимуществ и недостатков различных баз данных о мерах семейной политики, возможностям изучения ее эффективности на их основе, а также исследованию объемов финансирования семейной политики в разных странах и вопросов возможного воздействия некоторых конкретных мер политики на поведение людей, а именно: родительских отпусков в различных странах мира; отцовских отпусков; политики в отношении бюджетов времени мужчин и женщин; политики в отношении поддержки занятости матерей; политики в отношении мигрантов в ее связи с рождаемостью; материнского капитала.

Рассмотрены базы данных OECD, Международного сообщества по вопросам политики и исследований в сфере отпусков по уходу за детьми (International Network on Leave Policies & Research), Единой информационной системы по социальной защите для стран ЕС (Mutual Information System on Social Protection), База данных по пособиям по уходу за ребенком (Parental Leave Benefit Dataset, PLB) — один из модулей в базе данных индикаторов социальной политики (Social Policy Indicators, SPIN) и база данных Статистической комиссии ООН «Глобальная программа по гендерной статистике» (Global Gender Statistics Programme), координирующаяся Агентством и Экспертной группой по гендерной статистике (IAEG-GS). На основе первых трех баз выполнено сопоставление политики по отцовским отпускам в разных странах, база данных по гендерной статистике использована для анализа соотношения времени, уделяемого мужчинами и женщинами в разных странах домашней работе и заботе о близких, и политике родительских отпусков. База ОЭСР использована для анализа женской занятости. Кроме того, выполнено метаисследование ли-

тературы, посвященной воздействию материнского капитала на рождаемость в России.

Все базы данных имеют определенные недостатки, они неполны, разработанные индикаторы несовершенны, информация по многим странам (включая Россию) также неполна или отсутствует. Однако статистика по некоторым направлениям собрана достаточно хорошо и позволяет провести анализ эффективности различных мер, сопоставляя страны друг с другом с учетом показателей рождаемости в них.

Например, наибольший процент занятых мам с детьми от 0 до 14 лет именно в странах с социально-демократическим режимом, т.е. там, где поддерживается гендерное равенство, существуют отцовские отпуска и инвестирование в государственные ясли и детские сады. Там же относительно выше и рождаемость (по сравнению с другими развитыми странами, где меньше и вмешательство государства, и внимание к гендерному равенству). Максимальная продолжительность родительских отпусков не связана с повышением рождаемости. Наиболее неравномерно распределена нагрузка по домашней работе и заботе о детях в Северной Африке и Индии (странах со средней рождаемостью), а также в Юго-Восточной Азии (регионе с минимальной рождаемостью), наиболее справедливо — в Северной Европе, что может означать в условиях экономического развития падение рождаемости в связи с непривлекательностью брака для женщин в отсутствие политики по усилению гендерного равенства. Материнский капитал также является одной из мер, связанных с неравенством, как гендерным, так и экономическим, и обусловливает он лишь незначительный рост рождаемости у и без того многочисленного поколения, усиливая демографические волны, но не приводя к росту итоговой рождаемости реальных поколений.

Взаимосвязь миграционной и семейной политики может приводить к разным результатам, как поддерживая уровень рождаемости мигрантов почти на уровне существующего в стране выхода, так и существенно снижая его. Но обобщение мирового опыта свидетельствует, что вмешательство государства в семейные решения о рождении детей нигде и никогда не является всемогущим, везде процесс модерируется другими аспектами жизни людей, их нормами и ценностями в этом отношении, в результате рождаемость если и меняется, то незначительно.

Пятая глава посвящена рассмотрению сдвигов в здоровье российского населения на основе анализа долговременных трендов смертности, ожидаемой продолжительности общей и здоровой жизни в историческом и международном сравнительных контекстах. Большое внимание уделяется изменениям в структуре причин смерти на основе международных классификаций болезней и причин смерти, в том числе подробно рассматривается ситуация, складывающаяся в России и за рубежом с людскими потерями от дорожно-транспортных происшествий и от ВИЧ/СПИД.

Основные выводы из проделанного анализа сводятся к следующему:

- изменения смертности в России начиная с 2003 г. носили восстановительный характер, поскольку в значительной части рост продолжительности жизни лишь компенсировал потери, понесенные в предшествующие годы. При этом достигнутый к 2017 г. уровень продолжительности жизни в России все еще значительно отстает от уровня развитых стран. Так, российский уровень ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) при рождении 2017 г. отмечался во Франции у мужчин более 50 лет назад, в 1964 г., а у женщин — 40 лет назад, в 1977 г. Еще больше отставание России при сравнении ОПЖ в возрасте 15 лет у мужчин: российский уровень 2017 г. соответствует уровню, зарегистрированному во Франции в 1948 г. Отставание России от Франции по ОПЖ в возрасте 60 лет составляет чуть более 40 лет и у мужчин, и у женщин.

Кроме ожидаемой продолжительности жизни весьма наглядно и сравнение одного из основных показателей таблиц смертности (дожития), а именно чисел доживающих до определенного возраста, которое показывает, с одной стороны, успехи по снижению смертности в России, а с другой — еще сохраняющееся значительное отставание ее от развитых стран;

- можно предположить, что в ближайшие годы ожидать значительного роста ОПЖ за счет снижения смертности в старших возрастах без эффективного реформирования здравоохранения и изменения отношения людей к своему здоровью вряд ли возможно;

- при определении вклада изменений смертности от отдельных причин после 2013 г. приходится сталкиваться с рядом проблем. Прежде всего это связано с тем обстоятельством, что многие регионы России, стремясь достичь целевых показателей смертно-

сти от отдельных причин и прежде всего снижения смертности от болезней системы кровообращения, заданных в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения», начали пересматривать в выгодную для себя сторону практику кодирования причин смерти. Так, некоторые регионы начали широко использовать диагноз «старость», и рост доли смертей от «неустановленных болезней» ускорился. Следует отметить, что в последние два года ситуация несколько улучшилась, но не коренным образом;

- общее снижение смертности в России в 2004–2013 гг. можно разложить на три качественно различных слагаемых: а) снижение смертности от ситуаций и болезней, связанных с опасным потреблением алкоголя; б) снижение смертности пожилых от болезней системы кровообращения; в) снижение смертности детей, в первую очередь на первом году жизни, а также взрослых от разнообразных и зачастую не связанных между собой причин смерти — болезни органов дыхания, новообразования, туберкулез, не связанные с алкоголем несчастные случаи и др.;

- изменения смертности, отмечавшиеся в 2014–2015 гг., несколько изменили ситуацию по сравнению с предыдущим периодом положительных сдвигов. В 2015 г. по сравнению с 2013-м снижение смертности от болезней системы кровообращения в возрастах старше 65 лет не увеличило ОПЖ для мужчин, но на 0,25 года увеличило у женщин. В то же время другие или неустановленные болезни снизили ее на 0,07 года. Анализ региональных данных позволил установить, что этот рост в значительной степени был результатом изменения практики кодирования причин смерти, тогда как в действительности вклад болезней системы кровообращения, скорее всего, не превосходил 0,15 года. В дальнейшем, по всей видимости, усилия Минздрава России по преодолению увлечения врачей неопределенными диагнозами и искажения истинной структуры причин смерти отчасти увенчались успехом — снижение смертности от болезней системы кровообращения в пожилых возрастах приостановилось;

- за весь период положительных тенденций в 2003–2016 гг. рост ОПЖ у мужчин более чем на $\frac{3}{4}$ был обеспечен снижением смертности от болезней системы кровообращения и от внешних причин. У женщин рост ОПЖ почти на 70% был результатом сни-

жения смертности от болезней системы кровообращения. Так же, как и у мужчин, снижение смертности от внешних причин, прежде всего в возрастах 15–64 лет, сыграло очень значительную роль;

- вызывает растущее беспокойство пока еще не очень большой, но статистически значимый и растущий отрицательный вклад инфекций в смертность населения, особенно у женщин, что, скорее всего, есть результат роста смертности от ВИЧ, прежде всего в возрастах 15–44 лет;

- как явствует из Краткого обзора по результатам GATS, в последнее десятилетие Российская Федерация достигла значительного прогресса в снижении потребления табака и реализации различных мер по борьбе против курения, что, как показывает мировой опыт, будет иметь значимые отдаленные эффекты для дальнейшего роста продолжительности жизни. Данные опроса показали, что распространенность потребления табака среди взрослого населения существенно снизилась: с 39,4% в 2009 г. до 30,9% в 2016 г. (с 60,7 до 50,9% среди мужчин и с 21,7 до 14,3% среди женщин);

- одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на снижение смертности и рост продолжительности жизни, является рост расходов на охрану здоровья (в основном из государственных средств), о чем наглядно свидетельствуют международный сравнительный анализ общих затрат на здравоохранение в расчете по паритету покупательной способности в долларах США на душу населения и повышение ожидаемой продолжительности жизни в 60 лет для мужчин и 70 лет для женщин. К сожалению, неопределенность перспективной российской ситуации по данному вопросу вызывает большое беспокойство.

Проведенный анализ успешного опыта зарубежных стран по снижению смертности и значительному росту продолжительности жизни позволил нам составить перечень конкретных мер и возможностей по достижению результатов, необходимых для снижения смертности от основных причин смерти (сердечно-сосудистых в первую очередь), а также от специфических причин смерти, ситуация в отношении которых в России далека от разрешения, в частности, это касается смертности от дорожно-транспортных происшествий, ВИЧ/СПИД. Не возвращаясь к детальному перечню этих мер, указанных в докладе, подчеркнем самое главное: хорошо известные комплексные профилактические мероприятия,

основанные в первую очередь на массовой заинтересованности, активности, включенности самих людей, должны сочетаться с непрерывным увеличением инвестиций и последовательным повышением эффективности функционирования самого здравоохранения как форме специализированной помощи, так и на уровне общей практики. К сожалению, ни идеологическая, ни экономическая модели российского здравоохранения на перспективу до сих пор не выработаны. За внешним образом непрерывного реформирования системы здравоохранения зачастую не скрывается ничего, кроме сиюминутных решений, вызванных неотложностью выполнения текущих задач в тисках бюджетных ограничений, которые, в свою очередь, то расширяют пространство возможностей (как это было в первом десятилетии 2000-х), то его сужают (как в настоящее время). Доступность же квалифицированного и своевременного медицинского обслуживания россиян на всем российском пространстве остается под большим вопросом. Как под вопросом и перспективы развития страховой медицины для всего населения, перспективы усиления контроля за внедрением и обязательным соблюдением современных норм, стандартов и технологий борьбы за здоровье и жизнь россиян и многое другое.

Шестая глава посвящена анализу ситуации с международной и внутренней миграцией в России. После изменения методики статистического учета в России в 2011 г. масштабы учитываемой Росстатом долговременной международной миграции возросли по сравнению с концом 2000-х годов более чем втрое. Изменения методики учета миграции, с одной стороны, приблизили данные российской статистики международной миграции к соответствию требованиям учета долговременных мигрантов — регистрируются проживающие (имеющие намерение проживать) один год и более, но с другой — породили ряд проблем с интерпретацией данных. Прежде всего эти проблемы связаны с тем, что факт выбытий фиксируется «автоматически» по окончании регистрации по месту пребывания.

Миграционный прирост населения страны сокращается, и это не может не беспокоить власти. Снижается приток мигрантов из Украины, из других стран — республик бывшего СССР меняется незначительно. Миграция со странами дальнего зарубежья по-прежнему складывается в пользу России, однако миграционный

прирост невелик. Основная причина положительной нетто-миграции со странами дальнего зарубежья — наличие среди них Абхазии и Грузии.

Международная миграция пополняет население России молодым населением: 50% нетто-прироста населения России за счет международной миграции в 2011–2017 гг. обеспечили люди в возрасте 20–39 лет, т.е. в наиболее активных репродуктивных и рабочих возрастах. Среди долговременных международных мигрантов — как в потоке прибывших, так и в потоке выбывших — преобладают мужчины. Уровень образования мигрантов в последние годы снизился, но входящий поток образованнее, чем исходящий. В целом сопоставление уровня образования долговременных международных мигрантов в России в последние годы с параметрами уровня образования населения России по Переписи населения 2010 г. показывает, что он остается сопоставимым с населением России.

Временная миграция в Россию, включая все потоки — туристов, частные поездки, трудовых мигрантов, учебных мигрантов и т.д., в 2017 г. продолжила медленно сокращаться. По сравнению с докризисным уровнем (2013–2014 гг.) объемы уменьшились на 10–17%, по сравнению с 2016 г. сокращение было совсем небольшим — 3–5%.

Общая численность иностранцев, находившихся на территории России в среднегодовом исчислении, в 2017 г. продолжала колебаться вокруг цифры в 10 млн человек, а среднегодовое число трудовых мигрантов в России можно оценить в 4,5 млн, что составляет около 6% от числа занятых на рынке труда. Подавляющее большинство трудовых мигрантов по-прежнему составляют граждане стран — членов СНГ (96%), лишь 150–160 тыс. (4%) — трудовые мигранты из дальнего зарубежья.

2017-й — третий год действия нового миграционного законодательства и одновременно третий год экономической стагнации, во время которой заработки мигрантов, значительно сократившись в конце 2014 г., так и оставались на низком уровне, не вернувшись к докризисному уровню. Тем не менее мигранты, которые не покинули Россию или вновь сюда вернулись на работу, в какой-то степени адаптировались к текущим условиям. Об этом свидетельствует небольшой рост числа легализовавшихся иностранных

работников в 2017 г. по сравнению с 2016-м. За 2017 г. трудовые мигранты оформили около 1,8 млн документов для работы (разрешений на работу и патентов), что почти на 11% больше, чем в 2016 г., хотя до уровня 2015-го и тем более докризисных 2013–2014 гг. еще очень далеко. Трудовые мигранты, оформляющие патенты, а затем ежемесячно их оплачивающие, вносят все более заметный вклад в бюджеты регионов Российской Федерации.

Регистрируемая миграционная активность российского населения в 2017 г. немного увеличилась по отношению к 2015–2016 гг., но в целом статистически осталась без изменений. Число переселений, совершенных внутри России, остановилось на отметке 4184,5 тыс. человек. Тенденция превышения доли межрегиональных переселений по отношению к внутрирегиональным, начавшаяся в 2015 г., стала еще более заметной. Отчасти это связано с учетом прибытий/выбытий, совершенных в рамках возврата к прежнему месту жительства, доля которых неуклонно растет после изменения порядка статистического учета мигрантов.

Миграция между селом и городом в 2016–2017 гг. после всплеска в предыдущие пять лет заметно снизилась, в целом по стране в рамках внутрироссийской миграции «переток» населения в данном направлении не достигает 100 тыс. человек. Однако в сельско-городской миграции очень велики региональные различия.

Как и в предыдущие годы, нетто-миграция перераспределяет население в пользу крупных и крупнейших городов, прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга, но также в целом и других региональных столиц. Заметной тенденцией является также «стягивание» населения в пригороды крупнейших городов. В результате внутрироссийской миграции сравнительно меньше стали терять регионы Дальневосточного федерального округа по сравнению с регионами Сибирского округа.

Базы данных по миграции населения начали создаваться позже, чем по другим демографическим вопросам. Однако сейчас они играют важную роль для мониторинга текущей ситуации о масштабах потоков и составе мигрантов, а также для сопоставления стран по достаточно большому перечню миграционных вопросов.